

Лексика славянских языков в типологическом рассмотрении

*Иветта Манучарян**

Статья посвящена рассмотрению лексической типологии славянских языков, определенная часть лексики которых праславянского происхождения, благодаря чему славяне разных стран в некоторой степени могут понимать друг друга. На протяжении веков лексика славянских языков развивалась и обогащалась во многом также за счет заимствований. Этот процесс активно продолжается в наши дни, приводя к новым универсалиям.

Ключевые слова: *праславянский язык, лексика, типология, славянский, универсалии, индивидуалии, инновации, заимствования*

Введение

Лексика языка является самым подвижным, динамичным уровнем и наиболее полно отражает состояние и характер исторического развития народов и их культур.

Лексика тесно связана с жизнью общества, с процессами, происходящими в нем. Слова являются обозначениями и материальной, и духовной жизни этноса.

Лексика в отличие от других уровней языка живо реагирует на все изменения окружающей жизни. Выдающийся лингвист А. Мейе писал по этому поводу: «Словарный состав – самый неустойчивый в языке. Слова могут исчезать по самым разнообразным причинам и заменяться новыми. В исконный

* Доцент кафедры русского языкознания, типологии и межкультурной коммуникации факультета русской филологии ЕГУ, кандидат филологических наук. <ivettam14@mail.ru>; <im.philolog@mail.ru>

словарный состав могут включаться новые слова, превышающие числом старые» (Мейе, с. 34).

Современные славянские языки, которые примерно в середине первого тысячелетия выделились из распавшегося праславянского языка, достаточно близки по своему словарному составу: их древнейший словарный фонд в значительном объеме сохранился и от эпохи праславянской языковой общности в каждом из современных славянских языков функционируют древние лексические единицы. В лексических системах славянских языков отражаются все стороны окружающей действительности – природа и явления природы, календарная и соматическая лексика, родственная терминология, сельскохозяйственная и фитонимическая лексика и др.

Исключительная близость славянских языков, которая проявляется, в частности, в наличии многочисленных универсалий, представляет собой интересное и феноменальное явление в славянском языковом мире, который распространен на обширной территории Западной и Восточной Европы. Именно потому, что лексика всех славянских языков в определенных границах восходит к исконной лексике праславянского языка, любой носитель одного славянского языка хотя бы в какой-то мере в состоянии понять речь носителя другого славянского языка.

Праславянские лексемы, по последним наблюдениям И. А. Меркуловой, в разных славянских языках сохраняются в неодинаковой степени. Так, в русском, украинском, чешском, сербском и хорватском языках удельный вес праславянского словаря оценивается в 50% и более, до 50% доходит в польском, белорусском, словенском, болгарском языках, менее 30% праславянской лексики сохраняется в македонском, кашубском (ныне диалект польского языка), а также в лужицких языках (Меркулова 2014: 103).

В современных славянских языках, наряду с универсалиями, функционируют и индивидуалии, являющиеся результатом раздельного развития всех славянских языков, носителями которых являются на своих территориях славянские народы.

Генетическое родство славянских языков в лексике

В отдельных славянских языках наблюдается много общих слов из самых разных лексико-семантических разрядов: особенно выделяются слова, характеризующиеся чертами особой устойчивости. Это перечисленные выше различные и очень древние лексико-семантические группы.

Интересную картину можно увидеть при рассмотрении славянской календарной лексики. Славянские названия месяцев возникли в глубокой древности и указывали на состояние природы, погодные условия, сельскохозяйственные работы и цикл работ, производимых в определенный промежуток времени года. Древние славянские наименования месяцев праславянского происхождения сохранились не во всех славянских языках. С принятием христианства во многих из них исконно славянские наименования месяцев, в частности, в русском, болгарском, сербском, словацком и некоторых других славянских языках, были вытеснены их европейскими соответствиями, которые для славян не имели той же понятной семантики. Сравним слово *январь* и его славянский эквивалент *leden* в чешском языке, однозначно указывающий на холод, характерный для этого месяца года. Старые славянские наименования остальных месяцев, хорошо сохранившиеся, например, в чешском языке, также достаточно прозрачны и во многих из них узнаваемы славянские корни, связанные с состоянием природы (*květen* – русск. *май*, *listopad* – русск. *ноябрь*), с циклом сельскохозяйственных работ (*srpen* – русск. *август*). Показательно, что словацкий язык, наиболее близкий чешско-

му языку и бытующий на сопредельной территории, перенял европейские наименования месяцев.

В чешском же языке в календарную лексику вошло только одно европейское название *máj*, при этом приоритетную роль в обозначении этого месяца играет свое, чешское наименование пятого месяца года *květen*.

Интересен и такой факт: в некоторых славянских языках сохранившиеся старые славянские названия месяцев представляют собой образования от синонимичных корней, достаточно прозрачных и легко понимаемых. Так, сравним слово *август* (русск.) и слова с этим же значением из других славянских языков: *серпень* (украинск.) – *жнівень* (белорусск.) – *орач* (болг.) – *житар* (македонск.) – *гумник* (сербск.). Как можно заметить по приведенным разным славянским наименованиям восьмого месяца года, в их семантике отражается цикл сельскохозяйственных работ с их неоднородной детализацией. Отметим также, что одно и то же славянское наименование может функционировать в славянских языках для обозначения разных, но смежных месяцев: сравним славянское название весеннего месяца *май* в польской и чешской календарной лексике *kwiecień* и *květen* соответственно и его эквивалент в украинском языке *квітень*, обозначающий *апрель*.

Одним из древних кодов культуры, отраженных в лексике, является недельный календарь как часть календарной лексики – обозначение дней недели и общее наименование последних. В обозначении понятия «семидневка» сегодня в разных славянских языках нет полного единства, о чем свидетельствуют данные в ее обозначении. Сравним *неделя* в значении «семидневка» и *воскресенье* в значении «выходной день» в русском языке с соответствующими словами других славянских языков: *тиждень* и *неділя* (укр.) – *тыдзень* и *нядзеля* (белор.) – *tydzień* и *niedziela* (польск.) – *týden* и *neděle*

(чешск.) – *tyždeň* и *nedeľa* (словацк.) – *tjedan* и *nedjelja* (хорв.), но *седмица* и *неделя* (болг.), *неделя* и *воскресенье* (русск.).. Как можно увидеть, в славянских языках обозначение семяднейки, в основном, однотипно, кроме русского и болгарского языков, но показательно, что при этом все обозначения также представлены славянскими корнями. Примечательно, что слово *неделя* как единственное обозначение семяднейки используется только в русском языке, и оно представляет собой типологическую особенность русской лексики. То, что слово *неделя* прежде в русском языке обозначало и сегодня в других славянских языках обозначает выходной, нерабочий день, отражается в его морфемном составе: *не-дельный, не-делающий*, т.е. праздный. Слово *неделя* этимологически представляет собой кальку с греческого слова $\alpha\pi\rho\alpha\kappa\tau\acute{o}\varsigma$, именно это и обозначавшее. (Р. Суси 2005: 2) Старое значение слова *неделя* в русском языке как название дня отдыха сохранилось лишь в церковной терминологии в устойчивом словосочетании *Фомина неделя* в значении седьмого дня послепасхальной семяднейки. Только в русском языке употребляется и наименование дня отдыха *воскресенье*, и это уникальная особенность русского языка среди других славянских языков. Таким образом, последний день недели реализуется неодинаково в лексике русского языка, в которой он обозначается словом *воскресенье*, и в лексике остальных славянских языков, в которых сохранилось старое обозначение *неделя* с некоторыми фонетическими огласовками. Русское обозначение дня отдыха *воскресенье* появилось в недельном календаре после принятия христианства на Руси и представляет собой интересный случай переноса наименования с события на время, когда оно имело место: наименование дня церковного праздника пасха, свободного от работы, перешло на день отдыха в рамках семяднейки, день, вообще свободный от работы в течение всего

года. Этому переносу способствовало и использование слова *неделя* в русском языке для обозначения семидневки, так как возникшая омонимия в обозначении и свободного от работы дня недели, и одновременно семидневки была нежелательна и должна была быть устранена. Наименования дней недели в других славянских языках представлены славянскими же словами за исключением слова *суббота*, которое на заре появления славянской письменности проникло из древнегреческого языка во все славянские языки в процессе создания старославянских текстов.

Богатую систему терминов родства (в частности, кровного) в славянских языках представляет родственная терминология, в которой доминируют универсалии. Это такие термины кровного родства, которые составляют понятие «семья».

Целый ряд терминов кровного родства восходит к индоевропейской лексике, которая перешла в праславянский язык, а после его распада и в отдельные славянские языки.

К терминам кровного родства относятся, в первую очередь, его главные термины *отец* и *мать*. Они используются почти во всех славянских языках – в русском, болгарском (*отец*), украинском (*отець*), белорусском (*оцец*), в сербском/хорватском (*отац*), в чешском и словацком (*otec*), польском (*ojciec*). Многочисленные соответствия в древних неславянских языках говорят об индоевропейском происхождении термина *отец*. Однако в отдельных славянских языках употребляется и другой термин для обозначения главы семейства – *батько* в украинском языке, *баця* в белорусском языке, *баща* в болгарском языке и др.

Термины кровного родства, таким образом, однотипны во всех славянских языках и они представляют собой универсалии. Однако наряду с ними в системе терминов кровного родства фиксируются и индивидуалии. Так, слова *дедушка* и

бабушка сегодня являются собственно русскими, а свойственное для суффикса **-ушк-** ласкательное значение сегодня утрачено и эти два термина имеют нейтральный характер.

К терминам кровного родства по боковой линии относятся такие термины, как *дядя* и *тетя*, которые как раз и представляют индивидуалии в системе терминов кровного родства. В отдельных славянских языках сохранились термины, обозначающие *дядю* и *тетю* по отцовской и по материнской линиям. Древнерусское слово *стрый*, обозначавшее *дядя по отцу*, в русском языке полностью отсутствует, но сохранилось в лексике западнославянских и южнославянских языков – в чешском, словацком, польском, словенском, болгарском и других языках. Термин *дядя (брат матери)* в современном болгарском языке представлен словом *вуйчо*, в словацком языке – словом *чјо*, в македонском языке – словом *вуйко* и др. Эти три термина представляют собой этимологически одно слово, но с некоторыми фонетическими расхождениями.

В древности в славянских языках существовал также специальный термин для обозначения сестры отца и сестры матери. Сегодня это уже индивидуалия, сохранившаяся в болгарском языке, в котором слово *леля* обозначает сестра отца, а слово *вуйна* означает тетя, жена дяди по матери.

Интересна типология, наблюдаемая в богатой славянской антропонимике, имеющей многовековую историю. С IX века восточные славяне приняли христианство и к ним проникли христианские имена, подавляющее число которых прочно вошло в антропонимическую лексику. При этом славянские языки эти канонические имена принимали не механически, а приспособляли их, что и естественно, к своим фонетическим и грамматическим системам. Так, греческое мужское имя Георгий в разных славянских языках приобрело следующий вид: Георги (болг.) - Джорджи, Чорчи (сербск., макед.) – Jiji

(чешск.) – Ежи (польск.) – Георгий, Юрий, Егор (целых три имени в русской антропонимике).

В целом ряде случаев в лексических системах славянских языков наблюдается и такое интересное явление: форма выражения лексической единицы в разных славянских языках совершенно одинакова, но это неодинаковые по значению слова, например, русское *закуска* (еда, кушанье – несладкое) и чешское *zákusek* в значении *пирожное*, русское *стул* и чешское *stůl* в значении *стол*. Интересны также случаи существования одних и тех же слов в разных славянских языках, значения которых не только не эквивалентны, но и совсем не соотносительны по значению: так, русское слово *наглый* в современном языке имеет значение крайне нахальный, дерзко-бесстыдный (Ожегов 1978: 341). Однако в современном чешском (западнославянском) языке оно обозначает внезапный, быстрый. В македонском языке (южнославянском) и сегодня существует наречие *нагло* в значении быстро, резко. В то же время отметим, что и в древнерусском языке функционировало прилагательное *наглый* в значении быстрый и оно встречается в древних русских памятниках, в частности, в «Слове о полку Игореве». В этом слове в разных славянских языках возможно выделить (иногда с натяжкой) общую сему «быстрый», которая и создает нечто общее в значении: наглость, как правило, проявляется с быстротой. Поэтому неудивительно, что в других славянских языках отмечается сегодня функционирование этого слова в его старом значении: ср. *наглий* в значении внезапный, скоростный в украинском языке, а также в чешском, словацком, польском, в обоих лужицких языках, в которых оно сохраняет свое старое значение *внезапный, быстрый*. У М.В. Ломоносова в оде «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» (XVIII век) читаем: «Вы, наглы вихри, не держайте...», и здесь словосочетание *наглы*

вихри означает быстрые вихри. Употребление Ломоносовым такого архаизма было, естественно, обусловлено жанром: ода, как известно, поэтическое произведение высокого стиля и употребление такого архаизма более чем уместно. В ряде русских говоров и сегодня сохраняется старое значение этого слова. И это прилагательное в этом же значении в качестве диалектного слова употребил в своей повести «Степь» А.П.Чехов. Вот что говорит старый крестьянин, один из персонажей повести: «Нет пуще лиха, чем наглая смерть». Можно привести целый ряд лексических единиц, которые отсутствуют в одном литературном славянском языке и функционируют в его говорах, но соотносятся с этим же словом в другом литературном славянском языке. Сравним наречие *вельми* в лексике северновеликорусских говоров и в литературном чешском языке *velmi*, обозначающее одно и то же значение *очень*. Совпадают по значению и по форме русское диалектное *губа* и чешское литературное *houba* – *гриб*, русское диалектное *лони* и чешское литературное *loni* – в прошлом году (Манучарян, с. 20).

Таких примеров можно привести множество, и это подтверждает давнюю концепцию Р. И. Аванесова, согласно которой диалекты одного или нескольких родственных языков являются составной частью языкового, в данном случае, славянского континуума (Аванесов, с. 226).

В словарях современных славянских языков наблюдаются также слова, которые звучат одинаково или почти одинаково, но при этом имеют полностью противоположное значение. Особенно показательны примеры из чешского языка: приведем такой хрестоматийный пример, как *черствый хлеб* (русск.) в значении *хлеб несвежий*, высохший и *čerstvý chléb* (чешск.) в противоположном значении *свежий хлеб*. В разных славянских языках русскому слову *фрукты* эквивалентны существительные *ovocie* (словацк.), *ovoce* (чешск.), *owoc* (польск.),

ovôčje (словенск.), *овощия* (болг.), *овощје* (макед.), т.е. сладкие плоды. Что касается слова *фрукты* в русском языке, имеющего значение сладкие плоды, то оно представляет собой заимствование Петровского времени, в памятниках даже зафиксирована точная дата этого заимствования – 1705 год. В указанных выше славянских языках для обозначения понятия *несладкие плоды*, соответствующего русскому *овощи*, используются старые славянские слова с одним и тем же корнем, но в ряде случаев с разными словообразовательными аффиксами: ср. *зеленина* в западной группе и *зеленчук* в южной группе. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что некоторые праславянские слова в разных славянских языках сохранили лишь форму, а семантический сдвиг сделал их во многом разными словами, несмотря на одинаковую форму. Такая картина является следствием динамических процессов в лексической системе языка, приводящих к развитию совершенно новых смыслов в семантической структуре слова. Как отмечается в литературе, «...в отличие от веками меняющейся грамматики и фонетики, лексическая семантика меняется очень быстро: на памяти одного поколения носителей языка слова появляются и исчезают, теряют свои значения и приобретают новые». (Рахилина, Резникова 2011: с. 8)

Лексические соответствия в словарях разных славянских языков, восходящие к праславянскому лексическому фонду, обнаруживаются среди слов разных частей речи. Приведенные выше лексические соответствия были представлены, в основном, именами существительными. Не меньше лексических соответствий праславянского происхождения обнаруживается и в кругу имен прилагательных. Так, русское прилагательное *красивый* соотносится со словом *красив* с тем же значением в болгарском языке, а в южнославянском македонском языке, наиболее близком болгарскому, ему соответствует

прилагательное *красен*. Здесь уже последнее соотносится с чешским (западнославянским) словом *krásný* в значении красивый. В древности понятие *красивый* передавалось прилагательным *красный* и в русском языке, недаром оно фигурирует в народных сказках, фразеологизмах, пословицах и поговорках, устойчивых словосочетаниях – *красна девица; красна изба не углами, а пирогами; Красная площадь* и др.

Генетически родственными и в определенной мере совпадающими в разных славянских языках, причем, возможно, не во всех из них, являются слова всех знаменательных частей речи, родство которых не всегда просматривается из-за многовековых исторических изменений. Однако вполне сопоставимы и слова служебные, например, предлоги и приставки (ср. русск., болг. и макед. *под*, чешск. *pod*), союзы (сравним русский союз *если* и чешский *jestli*). Типологически сопоставимы в кругу служебных слов и частицы: ср. русск. *уже*, болг. *уж*, чешск. *už*. Наряду с универсальными признаками здесь можно увидеть и индивидуалии: сравним русскую модальную частицу *же* и это же слово в чешском языке *že*, выступающее в качестве подчинительного союза в изъяснительном придаточном предложении: *Myslil jsem, že v sobotu pojedu do Moskvy.* – Я подумал, что в субботу поеду в Москву.

Интересное явление представляет типология междометий в разных славянских языках: эквивалентность наблюдается и в кругу междометий, но в меньшей степени, что связано с ментальностью народа-носителя языка, с эмоциональной стороной его жизни, которая проявляется даже у близкородственных народов по-разному. Приведем соотносительные как по выражаемому значению, так и по форме междометия из разных славянских языков: таковы междометия *ах* (русск.), *ах* (македонск.), *ach* (чешск.) и др. Однако немало также случаев несоотносительности по форме междометий, выражающих од-

но и то же значение: например, русское междометие *эй* соотносится по значению и вовсе несоотносимо по форме с междометиями *бре* (болг., макед.) и *hola* (чешск.).

При всей близости лексических систем славянских языков наряду с универсальными признаками наблюдаются и расхождения, несоответствия, вызванные разными причинами. Так, в основе различий могут лежать конфессиональные различия, которые существуют в духовном мире славян: в разных славянских странах исповедуют православие и католичество в их разновидностях, а также ислам. Так, слово *костел*, обозначающее католический храм, бытует, в основном, в лексике западнославянских языков, так как народы-носители этих языков исповедуют католичество. А у тех славянских народов, которые исповедуют православие, используется слово *церковь* (ср., русск. *церковь* – болг. *църква* – макед. *црква*). Однако интересно и то, что при этом для номинации общего родового понятия во всех славянских языках употребляется старое славянское слово *храм*.

Расхождения в лексических системах славянских языков могут быть вызваны и тем, что в основу номинации могут быть положены разные характерные признаки. Так, в русском и чешском языках корень слова *окунь* и *okoip* восходит к праславянскому слову *око*, так как характерным признаком этой рыбы являются большие глаза. Между тем в болгарском языке эта рыба именуется словом *костур*: здесь уже в основе номинации лежит другой ее характерный признак – костистость.

В лексических системах славянских языков может не совпадать номинация предметов окружающего мира вследствие исторической судьбы народа: так, дерево миндаль и его плод в южнославянских языках обозначаются словом *бадем* (в болгарском, македонском), являющимся тюркизмом и попавшим в их лексические системы вследствие вторжения турок на Балканский полуостров. Интересно отметить, что это же слово

с тем же значением бытует и в разговорном языке гюмрийских армян в силу тех же исторических причин. А в остальных славянских языках это понятие обозначается как *миндаль* (русск.), *мигдаль* (укр.), *mandle* (чешск., словацк.), что М.Фасмер объясняет прямым заимствованием этого слова из греческого языка. (Фасмер, т. 2, с. 623)

Заключение

Сравнительный анализ слов из разных лексико-семантических групп современных славянских языков дает возможность увидеть общность многих лексических единиц, история которых восходит к праславянскому, а в ряде случаев и к более раннему, индоевропейскому периоду. При этом следует обратить внимание на общность в большинстве случаев и значения, и формы выражения лексических единиц.

В настоящее время, начиная с конца XX и начала XXI века, складывается новая ситуация в лексических системах разных славянских языков в связи с широким вхождением в жизнь общества новых реалий, в частности, компьютера и компьютерных технологий, Интернета, новых средств связи, например, мобильной, новых средств массовой информации, телевидения. Все это приводит к инновациям в лексике славянских языков. В лексику славянских языков входят иностранные слова, преимущественно англицизмы, а точнее, американизмы, которые обнаруживают тенденцию к их сохранению в этих языках. В этом смысле возникают уже новые тесные параллели в лексических системах разных славянских языков, поскольку источник заимствования чаще всего один и тот же: сравним болгарский и македонский глагол *алармира* (бить тревогу) из английского *alarm* и чешский глагол *alarmovat* с тем же значением и из того же источника, при этом возникают между ними и некоторые фонетические расхождения. Чаще

всею такие слова представляют собой имена существительные (примерно 84%), которые, войдя в новую для себя языковую систему, осваиваются фонетически, приобретают статус семантически самостоятельных слов и становятся основой для образования новых слов. Такие дериваты (русизмы, богемизмы, болгаризмы и др.) становятся уже фактом лексики конкретного славянского языка, обогащая ее новыми словами.

Подводя итоги нашего рассмотрения, отметим, что XXI век, век новых технологий и систем связи, научных открытий, инноваций в разных областях жизни, еще только начинается, и время покажет новые универсалии и индивидуалии в лексических системах славянских языков, появившиеся в результате интернационализации. При этом понятно, что праславянская лексика занимает и будет занимать свои устойчивые позиции в славянских языках, родство которых является нерушимым.

Литература

1. Аванесов Р. И. (1947) *Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка*. // Известия АН СССР, ОЛЯ, т. VI, вып. III.
2. Манучарян И. К. (2006) *Очерки по типологии русского и чешского языков*. Ереван, изд-во ЕГУ.
3. Мейе А. (1951) *Общеславянский язык*. М., изд-во иностранной литературы.
4. Меркулова И. А. (2014) *Проблемы сопоставительного изучения лексики славянских языков* // Воронеж, Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация, № 1.
5. Ожегов С. И. (1978) *Словарь русского языка*. М., Русский язык.

6. Рахилина Е. В., Резникова Т.С. (2011) *О работе Московской лексико-типологической группы* // Проблемы лексико-семантической типологии. Воронеж, Вып. 1. ВГУ, 2011.
7. Суси Р. (2005) *Дни недели*.
www.liveastrology.org/dni_nedeli.htm
8. Фасмер М. (1986) *Этимологический словарь русского языка*. М., Прогресс.

Սլավոնական լեզուների բառապաշարը. տիպարանական քննություն

Հոդվածում քննարկվում է սլավոնական լեզուների բառային տիպարանությունը: Սլավոնական լեզուների բառապաշարի որոշ մասը ունի նախասլավոնական ծագում, ինչի շնորհիվ տարբեր սլավոնական լեզուների կրողներ որոշ չափով կարող են միմյանց հասկանալ: Դարերի ընթացքում սլավոնական լեզուների բառապաշարը զարգացել և ընդլայնվել է նաև փոխառությունների շնորհիվ: Այդ գործընթացը շարունակվում է այսօր:

The Lexicon of Slavic Languages: a Typological Review

The article analyzes the lexical typology of Slavic languages. It is obvious that old Slavic words originate from the same parent Slavic language. This provides native speakers of different Slavic languages a possibility to more or less understand one another. However the lexicons of these languages became even more enriched and developed due to the borrowings from other non-Slavic languages throughout centuries. Today this process is still on its way.